

Сергей Боженко

АВТОБИОГРАФИЧЕСКОЕ НЕЧТО, ИЛИ КУДА УХОДИТ ВРЕМЯ

Барнаул, 2017

В книгу Сергея Боженко вошел разножанровый материал. Это зарисовки о детстве и семье автора, новеллы, а также воспоминания о барнаульских художниках, архитекторах и писателях. Раздел «Откуда все берется» составили рассказы о детях. Композиционно это монтаж записной книжки отца (см. «Невыдуманные рассказы о прошлом» Викентия Вересаева, «От двух до пяти» Корнея Чуковского). Сходны по композиции с «детскими» рассказами мемуарные записки о представителях творческой интеллигенции Барнаула — это несколько шитых белыми нитками анекдотов. Напротив, в разделах «Бремя удачи», «Кому умирать лжецом» и «Железные аргументы» встречаются добротные новеллы-юморески в стилистике 1980 годов — с завязкой, кульминацией и развязкой («Мечь», «Лёха Осипов», «Дважды два», «Вечное искусство»).

Книга «Автобиографическое нечто...» — идеальное чтение в транспорте: она не царапает, не бередит душу, как серьезное чтение, и для определенного типа людей будет подлинной психотерапией. Боженко явно удаются легкие шаржи:

«Напротив редактора сидел известный в околотературных кругах поэт Серж Осенний. И тыкал окурком в редакционную пепельницу. Видимо, из солидарности с литературным начальством. При этом откровенно горевал:

– ...Сам вижу, стих не доделан. Думается, надо ли доделывать? И не доделываю...

Редактор сочувственно поддакивал:

– То-то я смотрю, какой-то вы недоделанный...

<...> Гений делился творческим опытом:

– ...Читаю свои стихи, понимаю — абсурд. Но ведь все развивается, даже абсурд!>

В сборнике «Автобиографическое нечто, или Куда уходит время» автор верен себе. Тексты объединяет излюбленная им форма повествования Ich-Erzählung, «я»-повествования (за исключением немногочисленных новелл, написанных от третьего лица), а также юмористическая доминанта. Нельзя сказать, что Боженко написал новую книгу. Правильнее сказать: еще одну книгу, что поклонников его прозы расстраивать не должно.

Константин Гришин

В своем очередном сборнике рассказов Сергей Боженко остается верен себе как писателю, продолжая и развивая свой авторский стиль. Как и прежде, читателя встретят двойные названия рассказов, лаконичная форма, отсутствие пуантов (либо их незначительность), странная, очевидная только для самого автора парцелляция предложений, а также парадоксальное сочетание сердечности повествования и постмодернистский конфликт, явно усилившийся по сравнению с предыдущими авторскими творениями. Последний заслуживает того, чтобы остановиться на нем немного подробнее.

Герой произведений Сергея Боженко практически неразделим с самим автором, большинство рассказов автобиографичны, что накладывает отпечаток мемуарности и дневничковости на эти записи. Тем не менее мемуарность эта осложнена тем, что герой идентифицирует себя как автора, постоянно ставя свой статус под сомнение: «Однажды супруга мне заявила:

– Слушай, писатель, не пора ли тебе посочинять новый рассказ?

– Но зачем?

– Затем, что нашему сыну не из чего делать бумажные кораблики!>

В наполненных душевной теплотой записках о своих близких у автора регулярно проскакивают моменты самокритики и мучительный для него вопрос, кто же он в первую очередь: муж, отец или писатель? «Дети растут быстро. Особенно, когда пеленки стираешь редко. А публикуешься часто».

Однако больше внимания в сборнике уделено не семейным отношениям, а политике должностных отношений типа «начальник — подчиненный», «автор — издатель» и т.п. Такая тема, как, например, в рассказе «Вечное искусство, или Зачем хоронить свободу», весьма специфична и не всякому читателю может быть интересна, что, конечно, можно списать на вкусовщину, но лично мне кажется, что писателю более удались те рассказы, в которых нет «политической грязи», присутствующей в таких рассказах, как «Дважды два, или Кому умирать лжецом» и «Партийная жизнь, или Авоська с подзатыльниками». Любопытно, что наиболее личные рассказы, посвященные детям писателя, имеют в своем названии имена деятелей социализма: «Карл Маркс, или Зачем делать кораблики» и «Ленин, или Пипа Суринамская». Видимо, обойтись вовсе без политики писатель не может.

Актуальный для литературы постмодерна конфликт «автор — персонаж» у Боженко преобразуется во внутренний конфликт самоопределения. Наиболее показательными здесь будут являться новеллы «Хождение по кругу, или Зачем надо публиковаться» и «Мухи творчества, или Как я сочинял роман». В первой коротенькой зарисовке автор

изображает себя при помощи следующей формулы: «Я просыпаюсь и ощупываю себя. Я цел и невредим. И постель моя чиста. И это радость. Я выхожу из дома, встречаю знакомых и ощупываю их. Они тоже живы и здоровы. Это большая радость». А далее путем авторской рекурсии он слово в слово воспроизводит данную формулу уже в качестве рукописи, написанной персонажем в рамках основного рассказа, вводя тем самым читателя в дискурс постмодернизма. Характерная для данного дискурса ирония направлена у Боженко исключительно на своего героя, то есть на себя. И строится эта самоирония на самопозиционировании автора, наиболее наглядно представленном в «Мухах творчества»: «Аккуратно, чтобы не помять рукопись, я опустил ее в заплыванный согражданами мусорный контейнер. И отправился сочинять рассказ о том, как я сочинял роман». В этой цитате мы видим и отношение писателя к своему творчеству, и определение своего места на фоне мнения общественности: автор не швыряет свою рукопись в заплыванный контейнер, но аккуратно опускает ее туда, тем самым он признает свою непризнанность (простите за тавтологию), но не соглашается с ней, а лишь слегка корректирует направление своей деятельности — вместо романа отправляется писать рассказ.

Подытожив, скажем, что сборник вышел не очень ровный, и рассказы в нем местами довольно ощутимо контрастируют друг с другом. Однако в целом это все тот же Сергей Боженко, которого мы могли видеть на страницах его предыдущих книг, но с уже более ощутимым уклоном в сторону литературной игры и такой модной в наше время постиронии.

Николай Половинкин

Александр Коленько

**ТЕПЛАЯ ЗЕМЛЯ,
ИЛИ МОМЕНТЫ
ИСТОРИИ
ПАВЛОВСКОГО
СЕРЕБРОПЛА-
ВИЛЬНОГО
ЗАВОДА**

Барнаул, 2017

Этим значком отмечены
книги, вышедшие в рамках
краевого издательского
конкурса

Мы живем в культуре, в рамках которой ценность прошлого очень велика. Тем более важно обращение к местной истории. Уникальность Алтая в том, что здесь в период империи был основан и действовал крупный производственный комплекс кабинетской горнозаводской промышленности. Кабинетский период давно и плодотворно изучается профессиональными исследователями, однако эта история, к большому сожалению, до сих пор остается малоизвестной. Поэтому и стоит задача популяризации этих знаний. Люди должны знать свою историю, считать ее существенной.

В этой связи труд Александра Коленько, занимавшегося изучением истории Павловского завода, далеко не случайный, его тема актуальна. В системе горнозаводского производства Павловский завод входил в число трех главных, наряду с Барнаульским и Сузунским.

Александр Коленько ознакомился с некоторыми научными монографиями по теме своей работы. Это позволило ему выйти за узкие рамки, в которых обычно старинный завод рассматривается как явление обособленное. Разделяем подход автора к рассмотрению истории Павловского завода в системе кабинетского горнозаводского производства.

Изложение материала автором логично и хорошо структурировано. Особую роль играет обилие документальных публикаций материалов делопроизводственной переписки. Другим несомненным достоинством книги является наличие ссылок на эти материалы, тогда как краеведы обычно пренебрегают этим.

Конечно, есть еще целый ряд научных публикаций на эту тему, возможно, не известных автору. Поэтому говорить следует, скорее всего, не о научной новизне, а об особом подходе к изложению. Это подача своего понимания истории, равнодушная, но и не предвзятая, с подтверждением своего мнения архивными документами (хотя вторая часть книги, на мой взгляд, ими излишне избыточна, что несколько дробит цельную картину, которую автор создал в первой части).

Несмотря на то, что Александр Коленько не является профессиональным писателем, да и краевед он, скорее, по велению сердца, думаю, что изданная книга «Теплая земля, или Моменты истории Павловского сереброплавильного завода» будет способствовать популяризации местной истории и, несомненно, будет использоваться педагогами средней школы для организации краеведческой работы с учащимися.

Виталий Ведерников

Александр Коленько, врач по профессии, занялся краеведением. И у него это получилось. Написал книгу «Теплая земля, или Моменты истории Павловского сереброплавильного завода», которая издана в 2017 году по итогам краевого литературного конкурса на бюджетные средства.

Толчком к сбору материалов о крупнейшем предприятии Сибири XVIII – XIX веков, по его словам, стал разговор в больничной палате пациентов, жителей Павловска, которые припомнили, что выпавший снег на территории бывшего сереброплавильного завода почему-то быстро таял, лужи не замерзали до декабря, а земля была теплой. Ответа рассказчики не знали, и Александра Коленько, что называется, зацепило: он занялся поиском ответов на эти вопросы. Сидел в архивах, читал книги, знакомился с исследованиями о горнорудном деле, о котором прежде не имел никакого представления. И оказалось, что село Павловск возникло как поселок при построенном

в 1764 году на берегу Касмалы Новопавловском (позднее — Павловском) сереброплавильном заводе. Точно так же, как немногим раньше — Кольванском или Барнаульском. Производство серебра, меди, золота более полутора веков, до закрытия заводов в 1893 году, было основным занятием многих жителей Алтая. А с учетом приписных крестьян, поставлявших на предприятия руду, древесный уголь и продовольствие, — большинства населения региона.

Я прочитал сотни книг о «серебряной» эпохе Алтая, да и сам немало написал о ней, но книга Александра Коленько, какая-то особенная. Может, потому что он попытался найти, в первую очередь для себя, ответы на многие вопросы жизни поселка, возникшего 250 лет назад вместе с горным заводом. И делал это не по обязанности, не для того, чтобы пополнить счет научным публикациям или числу изданных книг. А потому что его это искренне интересовало.

Оказалось, что немало ученых, историков и писателей, описывая алтайскую давность, нередко ошибались. Например, непреднамеренно (из-за классового подхода и цензуры советского периода) или намеренно распространялись мифы о жутких условиях работы заводских мастеровых и приписных крестьян. Но мастеровые, к примеру, были освобождены от всех налогов (до 1861 года), не служили в армии, имели бесплатное или за мизерную плату медицинское обслуживание, лес для строительства домов, продукты питания «по истинно заводским ценам», а с 1825 года — бесплатно для всей семьи, вполне приличную зарплату от 21 до 90 рублей. Их сыновья посещали заводскую школу, получая при этом деньги и провиант. И, наконец, с конца XVIII века мастеровые имели пенсионное обслуживание. Кроме того, женатые работники Павловского завода заводили свои дома, хозяйство с приусадебным участком и сенокосом.

Автор, широко используя архивные материалы, ярко, публицистично, нескучно рассказывает о строительстве и деятельности, условиях работы горных офицеров и мастеровых Павловского сереброплавильного завода и крестьян, приписанных к нему.

Сейчас, к сожалению, от завода осталось лишь одно полуразрушенное здание бывшей важни (весовой). О том, что здесь когда-то кипела жизнь, напоминает еще одно место. Там, где прежде складировался древесный уголь, там, действительно, даже зимой земля — теплая.

Анатолий Муравлёв

Есть хорошие стихотворные азбуки, есть бездарные стихотворные азбуки. Находчивые педагоги рифмуют и математику: «пифагоровы штаны во все стороны равны», «биссектриса — это такая крыса...»

Елена Ожич (Клишина), серьезный поэт, автор нескольких прозаических книг для детей и, не секрет, большая рукодельница, которая умеет сшить, связать и навалить (из войлока), написала нечто большее, чем азбука. Ее новая книга «Ревень и щавель» с подзаголовком «стихотворения про ударения» — бальзам на каждую филологическую душу, радость для любителя русской речи. И реальный алгоритм запоминания правильных ударений, изложенный в увлекательной форме.

Вроде для детей. Поэтому — очень ярко (художник — Юлия Казанина). А началось все вполне по-взрослому с жарких орфоэпических дискуссий в одной из социальных сетей.

Любимый жанр Ожич — баллада. Любимые герои — принцессы, короли и рыцари, старики и старушки. А еще — привидения, туристы, повара, продавщицы, медведи, бараны, гиппопотамы... Мастерский вяжет поэт-рукодельница свое тонкое обучающе-развлекающее кружево:

Я моль попросил: «Подровняйте виски», —
Злодейка обрила меня мастерски.

От стужи прохожие прячутся в шарфы,
И каждому слышится музыка арфы.

В стихах много милых бытовых мелочей: сливовый пирог, корзинка из прутьев ивовых... К некоторым стихотворениям прилагаются прозаические примечания. Кстати, кое-что стало для меня открытием: не знала, что существует устаревшая форма слова «фольга» — «Фольга». Претензия, пожалуй, только к сомнительной рифме «ежонки — ежовым». И к затянутости некоторых текстов, когда значимое слово появляется только один раз в конце.

Зато моя самая большая благодарность — за слова «баловать» и «гренок».

В семействе гренок
Обычай суров:
У них с ударением строго,
Шалить с этим даже не пробуй.

Елена Ожич

**РЕВЕНЬ И ЩАВЕЛЬ:
стихотворения
про ударения**

Барнаул, 2017

Их папа — гренок,
Сынок их — гренок,
И мама их — тоже гренок,
На обращение «грЕНка»
Подпрыгнет она над тарелкой.

На десерт не могу не процитировать сладкий финал книги:

В квартале Сан-Ромарио
Открылась кулинАрия.
Старуха Женуария
Вернулась вся в волнении
И говорит викарию:
– Не лавка, а поэма!
И тОрты там, и крЕмы,
Бариста варит лАтте,
И я грешна в растрате!
Но сладко бьётся сердце...
О штрУдель мой! О брЕтцель!

О грамотная русская речь! Люблю тебя больше, чем лАтте со штрУделем.

Наталья Николенкова

Юлия Нифонтова

ЕРМОШКА ДОБРОДЕЙ И ВОЛШЕБНЫЕ ЧАСЫ

Барнаул, 2017

В 2017 году в Алтайском доме печати в рамках краевого конкурса на издание литературных произведений вышла книга Юлии Нифонтовой «Ермошка Добродей и волшебные часы» с иллюстрациями Александра Ермоловича. Следует отметить ориентированность данного художественного произведения как на детей младшего школьного возраста, так и на взрослых читателей, что обусловлено постмодернистской доминантой текста. Двухадресная направленность книги мотивировала неоднозначность отзывов читателей, часто не принимающих во внимание художественные особенности произведения.

Повесть-сказка «Ермошка Добродей и волшебные часы» соединила классическую взрослую тему «отцов и детей» с поэтикой фольклорной сказки и приключенческой литературы. Актуальность взрослой тематики аргументирована современными бытовыми реалиями — отсутствием родительского внимания к собственным детям, воспитанием которых часто занимаются бабушки и дедушки. Страдания героини повести-сказки, оставленной матерью в связи с новым замужеством на попечение бабушки, мотивируют варьирование в тексте трагического начала. Эта особенность сюжета позволяет включить повесть-сказку в систему произведений о несчастных детях-сиротах, обретающих любовь в ином мире (пример — сказка Г.Х. Андерсена «Девочка со спичками» (1845), рождественский рассказ Ф.М. Достоевского «Мальчик у Христа на ёлке» (1876) и др.). Однако Юлия Нифонтова не ставит основной задачей разработку трагической тематики. Поскольку главным адресатом книги является читатель-ребенок, автор вводит в сюжет приключения, комичные ситуации, в которые попадает главная героиня Оля со своими друзьями — игрушками и домовенком Ермошкой Добродеем. В этом проявляется детское начало произведения, созданного в лучших традициях литературы для детей.

В связи с этим необходимо отметить «отталкивание» автора (термин Юрия Тынянова) от традиций фольклора и отечественной литературы XX века. Переработка и трансформация этих традиций в системе повести-сказки «Ермошка Добродей и волшебные часы» позволяют представить произведение Юлии Нифонтовой новым, эволюционным моментом литературы для детей.

Автор использует образы славянского фольклора (в первую очередь — домового), а также варьирует композиционные элементы волшебной сказки, что находит отражение в следующих сюжетных ситуациях.

1. *Запрет* (здесь и далее — термины теории фольклора В.Я. Проппа). Героиня, девочка Оля, узнает о подарке от мамы, который нельзя видеть до определенного срока. Значимо, что подарком выступает ранец первоклассника, становящийся в системе повести-сказки своеобразным сакральным, волшебным предметом, вокруг которого и разворачиваются события. Одновременно ранец первоклассника маркирует героиню как девочку, находящуюся в переходном периоде между дошкольным детством и новой школьной жизнью, в чем видится отсылка к обряду инициации, необходимому конструктивному жанровому элементу волшебной сказки.

2. *Нарушение запрета*. Оля со своими друзьями-игрушками проникает в запретное помещение, кладовку, чтобы найти мамин подарок, преждевременное обнаружение которого влечет наказание — следующий этап развития сюжета волшебной сказки.

3. *Наказание* выражено целым рядом ситуаций: а) потерей замечательного ранца (в тексте он неслучайно назван «сокровищем»); б) столкновением со злыми силами — «дядьями-колдунами», «сараешниками» Кочебором Колядычем и Свиркой, поэтика имен которых указывает на их потусторонность; в) заколдованность героини (уменьшение роста и потеря памяти), сделавшая ее предельно уязвимой для злых колдунов; г) самым страшным наказанием для героини выступает смертельная болезнь бабушки — проявление чар злых колдунов. Предотвращение смерти бабушки представляет следующий этап сказочной композиции — испытание героя.

4. *Испытание*. Испытание Оли и ее друзей, ищущих спрятанный злыми колдунами ключ от часов, от которых зависит продолжение жизни бабушки, происходит вне дома. Пространство двора и огорода, в котором передвигаются герои, представляется пародической трансформацией иного пространства (согласно традициям фольклорно-сказочной поэтики). Иное пространство в тексте Нифонтовой проявляется в изменении привычных образов и пейзажа. Кот Марсик начинает говорить человеческим голосом; комары, муравьи, соседская собака и другие, встреченные по пути герои, оказываются огромными вследствие уменьшения роста героини. Огород для уменьшенной Оли становится непроходимым лесом, посещение которого в традициях волшебной сказки при соблюдении определенных условий приводит к инициации, взрослению героя и обретению им счастья.

5. *Обретение счастья через испытание*. После того, как найден заветный ключ, а старинным дедушкиным часам возвращен привычный ход, Оля, как отмечает автор в названии последней, 14-й главы, «становится чуть-чуть взрослее и принимает важное решение». Бабушка выздоравливает, семья восстанавливается, в чем и видится непосредственное детское счастье. В финале произведения в гости к Оле приходит горячо любимая мама со своим новым мужем. Все вместе они смотрят подготовленный девочкой и друзьями-игрушками концерт, основным номером которого является придуманная героиней «Песня про маму». Несмотря на то, что новый мамин муж во время концерта скучает, «с неизбежной тоской разглядывая носок собственного ботинка», мама смотрит «веселый концерт со слезами» и с «растерянным печальным лицом». Вводя в повествование сцену семейного концерта, автор стремится подчеркнуть: обретение взаимопонимания между «отцами и детьми» не только необходимо, но и возможно.

В «Ермошке Добродее» Юлии Нифонтовой удалось творчески использовать традиции отечественной литературы для детей. Очевидны отсылки к таким произведениям, как «Необыкновенные приключения Карика и Вали» (1937) Яна Ларри, «Сказка о потерянном времени» (1940) Евгения Шварца, «Дом для Кузьки» (1977) Татьяны Александровой. Как было отмечено выше, ориентация на традиции фольклора и предшествующей литературы, их творческая переработка делает произведение Юлии Нифонтовой «Ермошка Добродей и волшебные часы» необходимым моментом эволюции литературы для детей. Это позволило включить данное произведение в курс «Теории литературы и практики читательской деятельности», изучаемый в институте психологии и педагогики Алтайского государственного педагогического университета. Художественные особенности повести-сказки Нифонтовой были рассмотрены на семинаре со студентами второго курса, будущими учителями начальных классов. В итоге были созданы рекомендации по изучению книги на уроках внеклассного чтения в начальной школе.

Ольга Плешкова

Наталья Шубенкова

ДО И ПОСЛЕ ПЬЕДЕСТАЛА

Барнаул, 2017

Личный успех человека — это, прежде всего, результат труда и опыта. Но для того, чтобы личный успех становился успехом общим, национальным, всероссийским, необходимо уметь сохранять память о достижениях прошлого, беречь опыт предыдущих поколений и приумножать его новыми победами.

В современном российском спорте как никогда важны настоящие победы, которые будут не только подтверждением высокого спортивного статуса отдельных атлетов или всей страны, но и признаком здоровья нации. Большой труд, неоценимый опыт поражений, преодолений и почетных пьедесталов, искренняя любовь к спорту — вот главные составляющие личного и общего успеха. Именно об этом необходимо помнить, говоря о книге воспоминаний алтайской легкоатлетки Натальи Михайловны Шубенковой «До и после пьедестала».

На первый взгляд, название книги выглядит довольно просто: «до и после» — это и есть человеческая жизнь, но именно слово «пьедестал» позволяет нам говорить о значимости жизненного опыта человека-победителя. Простота и безыскусность названия компенсируется его нравственной составляющей, ведь человек тщеславный будет рассказывать о пьедестале, а желающий поделиться опытом говорит о том, что бывает «до и после».

Та же простота слога составляет и текст книги. Можно по-разному оценивать эту простоту, но нельзя не признать, что текст искренний и честный.

Честность, противопоставленная корысти, искренность, возвышающаяся над искусственностью, ценность свидетельства очевидца и участника исторических событий — все эти качества присущи книге Натальи Михайловной Шубенковой «До и после пьедестала».

Иван Образцов

Антонина Косачёва

ДВЕ РАДУГИ

Барнаул, 2017

Автор поэтического сборника «Две радуги» Антонина Косачёва благодарит за финансовую поддержку своих дорогих и любимых детей Дениса и Алёну Косачёвых. Член Союза писателей России Татьяна Кузнецова в предисловии к книге говорит о «простых, нехитрых строчках».

И в самом деле, «Две радуги» — одновременно дневник и семейный альбом. Пейзажные стихи со сменой времен года перемежаются здесь с воспоминаниями о детстве, о школе и первой любви, об отце и крестной; посвящения сестре Ане, брату Виктору, мужу Ивану и невестке («Алёнушка») сменяются размышлениями о возрасте и сожалением о несбывшемся («Начать бы с чистого листа...»). Одна из любимых тем — тема полета, во сне и наяву (без булгаковской Маргариты, разумеется, не обошлось). Вот стихотворение, которое кажется мне программным:

АВГУСТ

Шафранов ликующий цвет,
Туманы и холод рассветов...
Так исподволь сходит на нет
Мое загулявшее лето.
И пышный еще палисад
Отмечен уже увяданьем.
И гроздь рябины горят
В преддверии новых свиданий.
А осени пламенный взмах
Уж чудится мне в перелесках,
И в мыслях живёт, и в словах,
И в золоте трав королевском.

В стихах Косачёвой наряду с красотостями вроде «вуали листьев», «послевкусия репризы» или «березы сапфировой тени» и рифмами «снег — бег», «нежный — мятежный» вы встретите и практически авангард: «кстати — три скатерти».

Впрочем, кажется, автор адекватно оценивает свои сочинения:

...Мои случайные стихи
Расценивайте как приветы
Моим друзьям, моим родным
И просто незнакомым людям...

...Но постоянство — как награда.
Себе отчёт в том отдаю,
На зеркале губной помадой
Рисуя рожицу свою.

Антонина Косачёва с удовольствием использует эпитафии: строчки барнаульских поэтесс Татьяны Баймундузовой, Юлии Нифонтовой и Евгении Ткалич, отважно — Пастернака и Пушкина, модно — Элизабет Гилберт («Есть, молиться, любить»).

По-моему, книжка выиграла бы, будь она потоньше: сплошной поток тематически близких стихов вызывает ощущение однообразия. (Хотя, понимаю, хотелось представить максимум написанного). Завершаю «простыми, нехитрыми строчками», которые тронули больше остальных:

Висит верёвка бельевая —
Чужой судьбы рассказ без слов.
Как будто ниточка живая
Меж двух берёзовых стволов.
Со взгляда первого понятно
Соседки горькое житьё:
Ее белье ещё не снято,
Там — все ребячье да своё. ■

Наталья Николенкова